

Предисловие

Данная небольшая книжка — реакция на массовый интерес к проблеме распространения эпидемий прошлого и борьбе с ними. Автору хочется рассказать о том, как борьба с распространением заразы, прежде всего — чумы, происходила в Новгородской и Псковской земле в эпоху Московского царства, в XVI–XVII вв. Эта эпоха показательна: присоединенные к царству новые земли на Северо-Западе сталкивались с «моровыми поветакрылориями» в средневековье, а «мор» 1352 г. в Пскове был первым «ударом» «черной смерти» по средневековым русским землям. Новая власть вряд ли придумала что-то новое в отношении борьбы с эпидемией: огонь как универсальное средство борьбы, ограничение передвижения, упро-

щение обряда погребения при массовой гибели зараженных — все эти меры были известны. Однако способы их реализации в XVI–XVII вв. были военно-полицейскими, организуемыми за счет широкого привлечения местных ресурсов, а целью мер, принимавшихся наместниками и воеводами, были сбережение войска и охрана государя.

В книге вкратце рассмотрена история борьбы с эпидемиями на Северо-Западе и сделан акцент на трех кампаниях борьбы с «мором»: в 1592–1593 гг., когда в Новгородской и Псковской землях в боевой готовности стояли войска, направленные против шведов в Ливонии; в 1629–1630 гг., когда новгородский воевода и герой Смутного времени старался не пропустить чуму из Европы через недавно проведенную русско-шведскую границу; и в 1662 г., когда карантинны были выставлены на всем пространстве от Пскова до Москвы, чтобы не впустить чуму, восемью годами ранее уже напугавшую царский двор, к особе государя.

Введение

«Мор» и борьба с ним в средневековой Руси

Из всех свирепствовавших в Средневековье эпидемий самыми страшными и самыми яркими, оставившими свой след в летописях и хрониках, были чумные. По наблюдениям А. П. Бужиловой, чумные эпидемии известны на Русской равнине с XI века. Исследовательница основывалась прежде всего на летописных данных. Уже в «Повести временных лет» удар эпидемии по древнерусским городам оценивался прежде всего как нечто необычное (впрочем, обычай еще и не мог успеть завестись, так как собственной древнерусской традиции в то время не было), а также — как источник огромного, необычного и тягостного числа смертей.

С XII века летописцы, описывая «моры-вые поветрия», делали акцент на огромном числе смертей. Одной из таких эпидемий был мор в Новгороде в 1187 г., по мнению некоторых ученых, возможно, привнесенный из Западной Европы (Дербек, 1895; Бужилова, 2005)¹. В XIII в. основной причиной массовой смертности летописи называют голод, связанный с неурожаями. В 1230 г., однако, летописи описывают четыре скудельницы, сооруженных в Смоленске с тысячами погребенных в каждой, после мора (согласно А. П. Бужиловой — инфекционного). Через семь лет, в 1237 г., летописи пишут о море в Пскове и Изборске.

Наиболее известной трагедией Средневековья, охватившей многие страны Евразии, была эпидемия чумы в середине — второй половине XIV века. В средневековой Руси она имела свои особенно-

¹ Логика автора тут довольно проста: Новгород, что общеизвестно, издревле связан с Европой, значит, и «мор» пришел сюда из Европы (в 1187 г.).

сти, как в хронологии, так и в географии. Следует обратить внимание на опубликованную 45 лет назад статью Л. Лангера, в которой не просто была рассмотрена история распространения «черной смерти» на Руси, но и впервые был изучен ее глобальный контекст (Langer, 1975). Лангер, как и значительно позже А. П. Бужилова, отметил первый эпизод с появлением этого «мора» на Руси — псковский мор 1352 г. Борьба с «моровым поветрием» в значительной части ограничилась тогда обращением к церковным авторитетам — и символическая смерть прибывшего в Псков для спасения города от поветрия новгородско-псковского архиепископа Василия Калики на полпути между этими важнейшими центрами Северо-Запада, увы, не поставила точку в истории этой эпидемии. Скорее напротив: эпидемия распространилась и на Новгород тоже (по всей вероятности, это замечание Л. Лангера связано с источниками: текст Псковской летописи о «море» в Пскове так или иначе, по наблюдениям Н. С. Борисова,

был воспроизведен в Комиссионном списке Новгородской первой летописи, однако там больше звучит покаянный мотив, чума описывается как воздаяние за грехи) (Борисов, 2014). Впрочем, прекращение следующей значимой вспышки эпидемии в Пскове было связано уже с визитом архиепископа Алексия в 1360 г., когда литургический обход города, согласно летописи, привел к прекращению трагедии. Но, по мнению А. П. Бужиловой, на Северо-Западе Руси очаг распространения эпидемии чумы непрерывно функционировал с 1387 по 1391 г. (Бужилова, 2005, 286–290).

Л. Лангер, следуя тексту Никоновской летописи, описал дальнейшее распространение эпидемии на восток уже в 1352/53 г., вымершие города Глухов (на Северщине) и Белоозеро; через год, в 1353 г., вымерли почти все члены московской великокняжеской семьи. Надо сказать, что касательно «мора» на Белоозере и в вымершем тогда городе есть убедительное мнение С. Д. Захарова, высказанное в монографии 2006 г.:

в летописной статье, описывающей «мор» «на Белоозере», скорее всего, говорилось не о городе, а о «всей области». О том, что «новый» город появился ранее начала эпидемии, говорят археологические данные (Захаров, 2006, 98–100). По мнению Л. Лангера, первая волна эпидемии достигла Руси через германские земли, а не из Крыма, как об этом принято было считать в историографии (хотя возможно, что в Киев и западнорусские земли она пришла из Крыма или из Литвы). Ученый обратил внимание на то, что в любом случае чума тогда шла на Русь по важнейшим торговым путям.

Принципиально иной была география следующей волны эпидемии, в 1364 г. чума «пришла с Низу», именно тогда (согласно Никоновской летописи — Борисов, 2014) вымерло и Белоозеро. Она достигла Нижнего Новгорода и распространилась по всем большим городам Руси. Умерших едва успевали хоронить. В 1374 г. чума повторилась и уже из Руси перекинулась на Орду. В 1389 г. эпидемия уже в третий

раз пришла в Псков. В это время летописи отмечают строительство заветных церквей — отчаянной попытки горожан спастись таким образом от «мора». Л. Лангер, перечисляя «моры» начала XV века в Смоленске (1401 г.), вновь в Пскове (1403 г., куда «мор пришел через Дерпт) и еще раз, в 1407 г., в Пскове, а в 1408 г. — в сельских волостях в округе Можайска, Звенигорода, Ржевы Володимеровой. Лангер считает, что тогда, если эпидемия была только в сельских волостях, могли быть впервые предприняты меры наподобие карантина (Langer, 1975, 58). Ученый подсчитал, что за 140 лет, с 1350 по 1490 г., каждые пять лет была эпидемия. При этом известные на Руси циклы эпидемии коррелируют с теми, что фиксируются по синхронным данным Западной Европы. Особенно ужасной была ситуация с эпидемиями на Северо-Западе: в Великом Новгороде с 1417 по 1428 г. «мор» наступал каждые два с половиной года, в Пскове — каждые два года. Лангер полагает, что примерно до 25 % населения Руси было в XIV–XV вв. по-

теряно. Другими результатами эпидемии было демографическое движение — привлечение сельского населения в города, каменное строительство². Последствиями эпидемии Лангер объясняет и рост «городского рабства» — появление многочисленных холопов-ремесленников в боярских дворах.

Другими последствиями преодоления «черной смерти» на Руси были, по Лангеру, серьезные изменения в географии трудовых ресурсов и их использовании. Последствием эпидемии Л. Лангер называет и трансформацию натурального хозяйства в «монетную экономику», появление монастырей «нового типа»³. Однако Лангер справедливо замечает: средневековым русским городам не удалось стать коммунами, как в Западной Европе.

² Надо сказать, что приводимые здесь Л. Лангером примеры преимущественно из более позднего времени, XVI в.

³ Здесь Л. Лангер ссылается на книжку И. У. Будовница (Будовниц, 1966), весьма низкого качества.

Это не может объясняться только «черной смертью». При этом, несмотря на потери городского населения, городская жизнь в средневековой Руси не прекращалась.

Один из самых ярких обзоров истории борьбы с эпидемиями, прежде всего с «черной смертью», в средневековой Руси был сделан А. В. Лаврентьевым (Лаврентьев, 2016)⁴. Он особенно отмечает, что не существует данных для того, чтобы говорить о масштабах людских потерь в сравнении с Западной Европой. Но на Руси, как пишет Лаврентьев, поразительным образом чума не стала таким «регулятором жизни», как это произошло в Европе. Одну из своих задач А. В. Лаврентьев видит в определении рефлексии современников об эпидемии на территории Древней Руси. Упомянутый рассказ Псковской летописи под 1353 г. о «море» в Пскове,

⁴ Автор отмечает, что в своем исследовании он часто обращается к сумме данных из диссертации Ф. А. Дербека (Дербек, 1895).

согласно А. В. Лаврентьеву, — отдельное литературное сочинение, ждущее еще своего особого исследования; позднее оно перекочевало в новгородское летописание. Почти все эпизоды сочинения имеют аналоги в описании чумы во Флоренции (Н. С. Борисов находит в тексте о море в Пскове заимствования из Прокония Кесарийского — Борисов, 2014). Важно следующее замечание А. В. Лаврентьева: «И в западноевропейских, и в русском текстах речь идет не только о гигантских жертвах эпидемии, но и о проблемах с отпеванием и погребением скончавшихся от чумы, о взлете религиозности и массовом уходе в монастыри, столь же массовых раздачах горожанам движимого и недвижимого имущества, попытках индивидуального спасения “в миру в домах своих” как в Пскове, так и во Флоренции, боязни контактов с больными и проблемах ухода за ними, слухах о всеобщей скорой кончине, и пр». Следующий удар эпидемии, нанесенный по более восточным областям Руси — Москве, Ростову, Твери в 1360–

1370-е гг., когда практически пресеклись потомки Калиты, остались только два его малолетних внука, будущие герои Куликова поля, не нашел никакой реакции в новгородском летописании.

Массовые захоронения — один из важнейших следов эпидемии; их изучению применительно к новгородской истории посвящена большая и обстоятельная статья А. Н. Сорокина (Сорокин, 2015). Такие чрезвычайные захоронения, обозначавшиеся древнерусским словом «скудельница», известны по летописным данным в Новгороде с XIII века. Причиной массовых погребений, которые отмечали летописи, были две: пандемии и голодный «мор». В последний раз о скудельницах в Новгороде известно уже в начале XVII в., когда такие массовые захоронения возникают во время голода 1601–1602 гг.⁵.

⁵ Здесь ученый ссылается на сообщение известного нидерландского купца о массовых погребениях в Москве во время голода 1601–1602 гг.: «В самой Москве было не лучше; провозить хлеб на рынок надо было тайком, чтобы

Исследователи предпринимают попытки идентифицировать упомянутые летописями скудельницы и археологически выявленные новгородские кладбища: единовременные погребения большого числа людей, вызванные, вероятно, пандемией или голодом. Важным топосом нарратива о «голоде» — «массовых захоронениях» является ночное рытье таких могил. В Великом Новгороде такие захоронения происходили, по А. Н. Сорокину, в основном за пределами городской застройки. Пока смертность не превышала обычный уровень, горожане придерживались традиционной погребальной обрядности. Но когда происходили эпидемия или голод — санитарные зада-

его не отняли силой; и были наряжены люди с телегами и санями, которые каждодневно собирали множество мертвых и свозили их в ямы, вырытые за городом в поле, и сваливали их туда, как мусор, подобно тому, как здесь в деревнях опрокидывают в навозные ямы телеги с соломой и навозом, и, когда эти ямы наполнялись, их покрывали землей и рыли новые» (Масса, 1937, 59).

чи брали верх и над обрядностью, и над традицией.

Само слово «скудельница» на северо-западе Руси особенно распространено в Псковской земле. В самом Пскове в урочище Скудельня, на Завеличье, есть церковь Жен-Мироносиц, построенная в 1546 г. (Спегальский, 1978, 56–57), причем А. Е. Мусин замечает, что, судя по контексту летописного упоминания о строительстве церкви, при ее постройке произошло изъятие «коллективных усыпальниц» в пользу храма, но что содержание скудельниц было в обязанности архиерейской кафедры (как в 1546 г., так и, предполагает Мусин, в 1270 г.) (Мусин, 2010, 303). Специально топография псковских «морových кладбищ» изучалась археологами О. В. Козюренком и В. Г. Кузьминым (Козюренко, 1995; Кузьмин, 2006; 2009). В окрестностях Изборска в местности «Скудельня», в 200–250 м от крепости, расположен могильник с каменными крестами (Деркач, Михайлов, 2014). Существует мнение, что и известный своими размерами каменный крест

Церковь Жен-Мироносиц на Скудельне

Труворов крест

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru